

Цяо Энь был уничтожен Лэй Юнем с помощью спутника, и теперь несколько человек из его отряда погибли. В душе он лихорадочно соображал, как связаться с радистом, но, обнаружив Цяо Эня, обрадовался:

— Обязательно прикончите его! — яростно бросил Цяо Энь.

Американская армия мастерски владела искусством стрельбы по неподвижным целям из движения, да и дистанция в двести метров не казалась слишком большой. Едва влетев в ущелье и увернувшись от выстрелов Сюй Хая, один из американских солдат согнул переднюю ногу, опустился на колено и коротким тремя выстрелами — та-та-та — угодил прямо в голову Ян Мина. Тот погиб на месте. Пуля угодила в стальной шлем, не пробив его, но на мониторе Лэй Юня белая точка, обозначавшая Ян Мина, погасла.

Лэй Юнь стремительно бежала в сторону второго взвода: там находились два крупнокалиберных пулемета, и прорваться туда врагам было невозможно. Увидев, как точка Ян Мина исчезла с экрана, Лэй Юнь почувствовала острую боль в груди.

Тра-та-а! — гроыхнула тяжелая снайперская винтовка Ху Цзюня. Услышав его выстрел, Лэй Юнь опешила. Ху Цзюнь ведь еще не отступил! Он вооружен тяжелой снайперкой, а связываться с вражескими штурмовыми винтовками в ближний бой — верная смерть!

Изначально Ху Цзюнь занимал позицию повыше в поисках целей, откуда врагов в ущелье было не разглядеть. Услышав слова Ян Мина и сообразив, что противник прячется в ложбине и намерен идти на прорыв, он тут же сместился на несколько десятков метров. Только тогда сквозь просветы он увидел смутные силуэты врагов в ущелье. Быстро спрятавшись в кустах под деревом, Ху Цзюнь заметил, как неприятель на бешеной скорости — словно на олимпийском забеге — преследует командира третьего взвода. Еще десяток секунд — и они выскочат из ущелья, настигнут командира и расстреляют его.

В этот момент расстояние до врагов сократилось до ста пятидесяти метров. Ху Цзюнь мгновенно сообразил: противник нацелен именно на командира третьего взвода, и допустить их выхода из ущелья никак нельзя. Не говоря ни слова, он прицелился в шедшего впереди солдата и нажал на спуск. Тот рухнул мгновенно: для Ху Цзюня стрельба на такой дистанции не требовала даже прицеливания — достаточно было просто поднять ствол, чтобы уложить врага.

Американцы никак не ожидали, что те, кто никогда не терпел поражений, на сей раз понесут столь тяжелые потери. В обычных условиях семи бойцам хватило бы одной такой атаки, чтобы смять вражеские позиции — три-пять человек удержать их просто не смогли бы. Но здесь, в ущелье, не успев даже толком вырваться наружу, они сократились всего до двух человек. Как в этом мире вообще могут существовать люди с такой стрельбой!

Винтовка Ху Цзюня была магазинной, с ручной перезарядкой: автоматический выброс стреляной гильзы обычно ухудшал точность следующего выстрела. Сразу после выстрела он дернул затвор, выбросил гильзу, дослал патрон вперед, снова поймал цель на мушку — на весь процесс ушла ровно секунда. Это был предельный темп стрельбы из тяжелой снайперской винтовки.

На столь короткой дистанции выстрел из тяжелой снайперки для хорошо обученного спецназовца служил лишь прямым сигналом: я здесь. И хотя в отряде оставалось всего двое бойцов, отступить они не собирались: шанс легко прикончить снайпера выпадал крайне редко.

Едва Ху Цзюнь выстрелил, враги засекли его позицию. Два американца вскинули оружие и выпустили по кустам, где прятался Ху Цзюнь, две короткие очереди: та-та-та, та-та-та. Мгновение спустя в воздухе над укрытием Ху Цзюня взметнулось облачко кровавой взвеси. Солдаты прекрасно знали, что это значит: пуля пробила крупный кровеносный сосуд на теле врага, и под напором крови в воздух выплеснулась красная дымка.

Американцы, разумеется, использовали штурмовые винтовки M16. Калибр этого оружия составлял 5,56 миллиметра; именно из-за малого калибра — тонкой и длинной пули — повреждения мягких тканей оказывались тяжелее, чем от пуль калибра 7,62 миллиметра. Обладая меньшим объемом и весом, легкая пуля летела на огромной скорости, и при встрече с плотью плотность среды и сопротивление резко возрастали. Это приводило к сильнейшему отклонению траектории и кувырканию пули. Попадая в человека, особенно при встрече с костью, она проделывала крошечное входное отверстие, а на выходе оставляла рваную рану размером с чашку. Чем легче пуля, тем сильнее на нее влияют внешние преграды, тем больше отклонение в полете и вращении, а значит — и тяжелее урон. Однако требовалось соблюдать баланс кинетической энергии при выходе из ствола: чем легче пуля, тем меньше ее энергия. По этой причине нельзя было делать пули предельно легкими — иначе дальность стрельбы и пробивная способность падали до минимума. Именно в поисках этого компромисса развитые страны и создавали малокалиберные винтовки.

Стоявшая на вооружении американской армии дальнобойная снайперская система M200 имела калибр 10,4 миллиметра. Она уступала по калибру тяжелой винтовке Барретта калибра 12,7 миллиметра, но снаряжалась более тяжелой и удлиненной пулей, поэтому летела дальше Барретта. Пролетев тысячу метров, пуля сохраняла меньше энергии, однако при попадании в тело начинала кувыркаться, нанося чудовищные повреждения. На дистанции в пределах двухсот метров пуля тяжелой снайперки обычно прошивала человека насквозь по прямой, оставляя примерно одинаковые входное и выходное отверстия.

Ху Цзюнь получил четыре пули: две угодили в бронежилет, еще две пробили левую руку и основание шеи в районе ключицы. Пуля вошла в тело как раз возле плечевого шва бронежилета, задев ключицу и повредив артерию, из-за чего фонтаном хлынула кровь.

Ху Цзюнь не умер и не потерял сознание — ясность ума поддерживала в нем железная воля. Он прекрасно понимал: стоит ему отключиться, как милосердные враги подбегут и добьют его контрольным выстрелом. На войне есть место лишь принципу — ты умрешь или я, никакого другого выбора не существовало. В затуманенном сознании Ху Цзюнь правой рукой с трудом приподнял свою M99 и поковылял к крутому обрыву позади. Каждый шаг отзывался в шее дикой болью, словно ее пытались переломить пополам; простреленная левая рука безвольно болталась, словно подвешенная на веревке.

Едва Ху Цзюнь пробежал несколько шагов, как сзади снова затрещала стрельба: та-та-та. Заметив, что противник все еще жив и пытается бежать, американцы открыли огонь. Из-за густых кустов и деревьев они палили наугад, по расплывчатому силуэту. Все три пули угодили

в бронежилет на спине Ху Цзюня. Под мощным ударом его тело подалось вперед, и он рухнул вниз с обрыва, полностью потеряв сознание — живым или мертвым, было неизвестно.

Услышав выстрелы тяжелой винтовки Ху Цзюня и американских штурмовых винтовок, Лэй Юнь немедленно остановилась, нырнула в естественную ложбину и в мгновение ока установила среднюю снайперскую винтовку Тип 85 калибра 7,62 миллиметра, способную на дистанции до шестисот метров пробивать бронежилет.

Заглянув в прицел, она остолбенела от увиденного. Человек, залитый кровью с головы до ног, так что лица было не разглядеть, спотыкаясь, бежал вперед. Его левая рука болталась на жалких лоскутах кожи, но в правой по-прежнему крепко сжималась знакомая Лэй Юнь винтовка M99. Не веря собственным глазам, она едва слышно шепнула два слова:

— Ху Цзюнь...

В этот момент Ху Цзюнь как раз добежал до края обрыва. Словно от мощного толчка в спину, он перевалился через край и покатился вниз.

Наблюдая эту сцену от начала до конца, Лэй Юнь испытывала невыносимую боль в сердце. Почему люди должны истреблять друг друга с такой жестокостью? Почему нельзя жить на этой земле в мире? Почему обязательно нужно убивать? Смахнув слезы, она бросила взгляд в прицел на пятна крови, оставленные Ху Цзюнем на краю обрыва, ожесточилась и перевела перекрестие на ущелье — выбора у нее не оставалось.

В то же самое время с другой горы, занятой третьим взводом, донеслось несколько выстрелов — с той самой, что находилась дальше всех от позиций Сюй Хая. Сразу после выстрелов кто-то доложил:

— С запада наверх прорываются человек семь-восемь врагов!

Восемь американских солдат шли на штурм с запада, в то время как Сюй Хай находился на востоке. А двое американцев, преследовавших Лэй Юнь через центральное ущелье, как раз отрезали остаткам отряда пути к отступлению. Опасаясь, что четверо бойцов с соседней горы при отходе в центральное ущелье столкнутся с американцами и погибнут в засаде, Лэй Юнь поспешно передала в эфир:

— В ущелье американцы, держитесь пока на позициях!

Сюй Хай располагался правее прежнего места — на северной горе. Первый взвод занимал южный склон, второй — восточный, а американцы были зажаты на западе, окруженные со всех сторон с единственным выходом на запад. Отсюда Сюй Хай отлично видел тыл горы, занятой командиром третьего взвода, и мог оказать им огневую поддержку. Он немедленно отдал приказ:

— Третий взвод, не вступайте с ними в лобовой бой! Найдите низины, укройтесь в засаде. Я нахожусь на горе у вас за спиной и сам расправлюсь с прорвавшимися к вам американцами!

Услышав, что ротный засел на горе у них за спиной и прикроет их огнем, бойцы заметно успокоились. Сюй Хай мог вести огонь без малейших опасений, оставаясь недосыгаемым для противника — сказывались и разница в дальности оружия, и превосходное мастерство самого командира.

Четверо бойцов третьего взвода, занимавших западный склон, успели после выстрелов снять одного врага и ранить второго, после чего дружно откатились назад в поисках укрытий в складках местности. Они приготовились бить исподтишка, предоставив фронт ротному.

В этот момент на вершине, где пряталась Лэй Юнь, загрохотали разрывы: противник открыл огонь из минометов, навешивая снаряды прямо за спину Лэй Юнь. Траектория минометного снаряда представляла собой крутую дугу, позволяя регулировать вертикальный угол ствола для максимального изгиба полета.

Американцы готовы были пойти на любые жертвы, лишь бы уничтожить радистку Сюй Хая. Именно она использовала спутник для их разведки, держала их в постоянном меньшинстве и не позволяла сосредоточить силы. Использовать минометы трем солдатам было смертельно опасно — в противном случае вести бой становилось слишком тяжело. Но из-за отсутствия спутника Цяо Энхэ понятия не имел о точном местонахождении Лэй Юнь и мог лишь палить наугад по склону за гребнем.

Бойцы второго взвода страшно переживали, видя, как бомбят склон за позициями третьего взвода. Они отчаянно шарили в прицелы в поисках минометного расчета, но густой лес скрывал врагов, и оставалось лишь бессильно сжимать зубы.

Лэй Юнь, сжавшись в своей ложбине, готовилась встретить врагов, которые должны были выскочить из ущелья. Услышав зловеющий свист мин — свист-свист-свист — и сообразив, что ее обстреливают из минометов, она плотно вжалась в дно канавы и в ту же секунду переключила картинку на компьютере на гору, захваченную врагами. Она знала: минометы до сих пор прятались, а раз они открыли огонь, значит, расчет развернулся на открытой местности. Для спутника это был момент наивысшего обнажения цели.

Небо над головой Лэй Юнь заволокло клубами пыли и дыма, куски земли и камни градом сыпались ей на голову и спину. Но она, пригнувшись на дне канавы и опустив голову, неотрывно смотрела в экран, выискивая цель. Девушка понимала: сейчас от слез и криков не будет никакого толка, а выскочишь наружу — погибнешь еще быстрее. Единственный способ защитить себя — как можно скорее обнаружить минометы и уничтожить их.

Спустя мгновение Лэй Юнь заметила на мониторе среди заброшенной низины несколько точек — точно таких же, как у первой группы минометчиков, обнаруженной ею ранее. Она моментально увеличила изображение, уточняя координаты.

— Командир второго взвода! В низине на шесть часов две минометные группы, дистанция две тысячи пятьсот восемьдесят метров. Одна группа — за вон той сосной, бейте прямо по центру ствола дерева. Вторая — примерно в двадцати метрах левее, бейте в стык между двумя камфорными деревьями, враги прямо за ними! — выпалила Лэй Юнь координаты на одном

дыхании.

Услышав слова командира третьего взвода, Хэ Чжиюн мгновенно навел крупнокалиберный пулемет на указанную низину. Он прекрасно понимал, что радистка балансирует на краю могилы, и здесь разница между выстрелом на секунду раньше или позже означала грань между жизнью и смертью.

Трах-трах-трах! — длинная очередь заняла ровно две секунды. Выпустив полтора десятка пуль, он чуть сместил ствол и обрушил огонь на вторую цель. В ленте было пятьдесят патронов: дюжину он отдал первой цели, а остальное влил во вторую.

Хэ Чжиюн отлично соображал, что после удара по первой цели вторая попытается удрать, поэтому уделил первому расчету всего две секунды, немедленно перенес огонь на следующий. На такой дистанции пулеметная очередь давала широкий разброс — как раз то, что нужно для поражения небольших групп скопления живой силы. Под яростным шквалом огня Хэ Чжиюна четверо американцев были убиты и двое ранены.

Шквал огня Хэ Чжиюна заставил минометы умолкнуть — непрекращавшиеся до этого взрывы теперь раздавались лишь раз в четыре секунды. Очевидно, у американцев остался всего один минометный расчет.

Почувствовав, что грохот взрывов стих, а непосредственная угроза миновала — ближайшие разрывы теперь гремели то в десятке, то в сотне метров, — Лэй Юнь перестала ощущать сыпавшийся на голову град каменной крошки. Однако успокаиваться было рано: по меньшей мере один миномет все еще угрожал ее жизни, и следующий снаряд вполне мог разорваться рядом. Поэтому она продолжала отчаянно следить за позициями вражеских минометчиков.

Трах-трах-трах! — затяжелил крупнокалиберный пулемет. Из ущелья, с возвышения у подножия холма, с двух сторон выскочили двое американских солдат. Они держались друг от друга примерно в пятидесяти метрах, но Сюй Хай уже взял их на мушку.

Не обращая внимания на грохот минометов, Сюй Хай неотрывно следил за выходом из ущелья. В этой ситуации он ничем не мог помочь радистке против минометного огня, как бы сильно ни переживал. Стоило американцам проскочить наружу хотя бы на десяток секунд, и ситуация стала бы катастрофической. Единственный способ уберечь Лэй Юнь от гибели заключался в том, чтобы уничтожить врагов в ущелье.

Сюй Хай прицелился в выскочившего из ложины американца и нажал на спуск. Из-за огромной дистанции точность крупнокалиберного пулемета оставляла желать лучшего: из дюжины выпущенных пуль в цель попала лишь одна. В обычных условиях смерть наступила бы даже сквозь бронежилет, но пуля пробила насквозь ствол толстого дерева, потеряла часть убойной силы и лишь затем угодила в американца, да еще встретила сопротивление бронежилета. Энергии почти не осталось, и пуля вонзилась лишь самую малость, не причинив смертельных ран. Солдат просто рухнул на землю по инерции и приготовился к ответному огню.

Одновременно у подножия западного склона мелькнуло четыре-пять силуэтов. Четыре бойца

третьего взвода только успели занять позиции в низине, как американцы пошли на штурм. Зигзагообразные тени летели вперед с ошеломляющей скоростью, создавая ощущение неотвратимого катка.

Сюй Хай держал под прицелом оба направления, но не ожидал одновременного прорыва. Подав огнем одного из американцев в ущелье, он тут же перевел ствол на западный склон. На дистанции в две с лишним тысячи километров легкого смещения прицела хватало, чтобы перенести огонь на западных врагов.

На таких расстояниях Сюй Хай тренировался постоянно. Он отменно изучил возможности своего пулемета: пусть дальность и превышала эффективную, опытный командир прекрасно знал, на сколько делений поднять прицел, чтобы пули легли именно туда, куда нужно.

Та-та-та! — короткая очередь настигла одного из американцев. Три пули разорвали тело на куски, окровавленные ошметки плоти разлетелись вокруг еще страшнее, чем от М200. Умирал он не мгновенно: распростертый на земле мозг еще продолжал посылать сигналы, лицо исказилось в дикой гримасе боли — оскаленные зубы, сморщенный лоб, скривившиеся губы, и лишь спустя долгие секунды наступила полная смерть.

Эту жуткую картину наблюдали остальные четыре-пять американцев, выскочивших на западе. Психологический удар оказался колоссальным: наступавший авангард на секунду замешкался, но затем вновь прибавил ходу. Закалка американских солдат не уступала ничьей, а по жестокости и хладнокровию они превосходили многих, так что подобные зрелища они повидали на своем веку. Вот только видеть гибель собственных товарищей было непривычно.

— Ротный, они прут сюда! Защити нас! — в голосе одного из бойцов третьего взвода сквозило крайнее напряжение, граничившее с паникой.

Спереди и сзади наседали американцы, взвод оказался зажат в клещи, фактически в окружении. На грани жизни и смерти у бойцов неминуемо проснулась потребность найти опору.

Услышав это, Сюй Хай прекрасно понял, что парни столкнулись со смертельной угрозой и паникующая психика подсказывает им подобные слабости. Но он отлично понимал их состояние и твердо ответил:

— Не бойтесь, я держу оборону здесь и никуда не уйду! Каждый, кто сунется к вам, ляжет под моим пулеметом. Я не подпущу ни единого американца близко!

Слова командира вернули четверым западным бойцам уверенность. В смертельной ловушке паника и страх способны сломить кого угодно, но теперь их напряженные до предела тела расслабились, внутреннее давление отступило. Они дружно вскинули стволы и стали высовываться для прицельных одиночных выстрелов.

Хотя одиночные выстрелы звучали не столь внушительно, в определенных обстоятельствах они оставались лучшим способом уничтожения врага.

Сюй Хаю приходилось разрываться между ущельем и западной горой, из-за чего он не мог полностью сосредоточиться на западном направлении. Однако, услышав слова бойцов и дав им успокаивающее обещание, он задержал перекрестие прицела на западе чуть дольше обычного.

В следующее мгновение последний уцелевший американец из ущелья ринулся в сторону ложины, где пряталась Лэй Юнь. На самом деле он понятия не имел, что она укрылась именно там — просто интуиция подсказала: в подобной ситуации лучшим естественным укрытием служит именно овраг. И солдат бросился туда в поисках цели.

Интуиция не подвела американца: Лэй Юнь действительно находилась в этой канаве. Но сейчас она была далеко не простой мишенью: одной рукой управляя компьютером в поисках минометных расчетов противника, другой она то и дело высывала голову, проверяя, не подбирается ли кто-нибудь из врагов.

В очередной раз высунув голову, Лэй Юнь увидела перекошенное от злобы лицо солдата в желтом камуфляже — форма американской армии резко выделялась на фоне ее зелени. До нее оставалось всего сто пятьдесят метров, враг стремительно приближался зигзагами, вскинув M16. Еще десяток секунд — и он ворвется в укрытие, поливая все вокруг свинцом.

В этот момент Лэй Юнь поняла: рассчитывать не на кого, собственная жизнь висит на волоске. Забыв про компьютер и грохот рвущихся мин, она единым плавным движением вскинула среднюю снайперскую винтовку Тип 85 на бровку канавы. На это ушло всего полсекунды: правый указательный палец намертво вжался в спуск, а левая рука резко крутанула кольцо фокусировки прицела, сбросив кратность с дальнобойной тысячи метров до ближней сотни.

Американец, на бегу сканировавший сектор перед собой, заметил движение у края травы в овраге: из земли поднималась человеческая голова вместе со стволом оружия. Он тут же перевел дуло своей M16 в крошечную цель и выпустил короткую очередь: та-та-та.

Лэй Юнь не успела довести фокус до идеальной резкости — едва разглядев расплывчатый силуэт врага, она бросила левую руку обратно к ложу. Расплывчатая фигура в прицеле металась вверх-вниз и из стороны в сторону. На мгновение прикинув траекторию движения груди — самой крупной мишени — с учетом упреждения для движущейся со скоростью пятнадцать километров в час цели на дистанции в сто двадцать метров, она сделала решающий выбор. Между жизнью и смертью счет шел на доли секунды. Бах! — прогремел выстрел. В свои двадцать два года она впервые не хотела никого убивать, но была вынуждена отнимать чужие жизни ради собственного выживания.

По уровню стрельбы и бега Лэй Юнь входила в тройку лучших бойцов своего взвода, а в мировом масштабе легко попала бы в топ-двадцать. На такой дистанции от обнаружения цели и настройки фокуса до спуска курка прошло полторы секунды. Пусть оптика и не успела до конца прояснить картинку — крутанув кольцо, она отпустила его, — но прятки света шли по прямой, не искажая центра перекрестия, страдала лишь четкость изображения.

Они выстрелили одновременно на грани жизни и смерти. Пуля Лэй Юнь пробила вражеский

бронежилет, прошла навывлет через грудную клетку и вышла со спины. Шансов на выживание у солдата не осталось. Хотя разрушения тела уступали тяжелой снайперке, мелкие ошметки мяса все равно брызнули вокруг.

Из-за долгого быстрого бега силы американца истощились, равновесие чуть нарушилось, и из трех выпущенных им пуль лишь одна пропахала тонкий слой почвы и угодила в бронежилет на груди Лэй Юнь.

<http://bllate.org/book/21120/2143090>